

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УБИВАТЬ...

О новой книге Габриэля Гарсиа Маркеса

ВЕСНОЙ этого года одно испанское и три латиноамериканских издательства одновременно выпустили миллионными тиражами новую книгу Габриэля Гарсиа Маркеса «История одной смерти», о которой знали заранее. По оценке испанской газеты «Эль паис», эта книга стала «самым крупным издательским предприятием испано-язычного мира за все времена». Однако реакция на «Историю...», о которой, как выразился один критик, «всем было известно заранее», в литературных кругах была неоднозначной. Тому, видимо, есть причины, причем не связанные с достоинствами самого произведения.

В свое время Гарсиа Маркес дал что-то вроде обещания посвятить себя целиком политической журналистике и не издавать художественных произведений, пока не падет фашистский режим в Чили. Как отмечают сейчас многие прогрессивные издания, публикация этого произведения Маркеса не идет вразрез с его пониманием своего долга как писателя и как гражданина, поскольку сам он не раз повторял, что «революционный долг любого писателя — писать хорошо».

Многие полагали, что если уж писатель решил нарушить обещание, то, наверно, речь идет о произведении с «ядерным», так сказать, «ядерным» сатирико-политическим зарядом, вроде того, какой был вложен им в «Осень патриарха». Оказалось, ничего подобного: новая книга Гарсиа Маркеса написана, на первый взгляд, на глубоко камерную, интимную тему.

Другая причина известного скептицизма критики ясна не меньше. «Быть Гарсиа Маркесом» трудно — ведь после «Ста лет одиночества» и «Осени патриарха», написанных с поразительной, едва ли не «факирской» изобретательностью, от него поневоле ждут нового чуда.

Когда книга Гарсиа Маркеса будет опубликована на русском языке, читатель, несомненно, убедится, что новая высота взята. Книга написана прозрачным, обманчивой простоты языком, нагляд-

но отличающим «Историю одной смерти...» от языковой и образной избыточности «Осени патриарха». Вместе с тем писатель никогда еще не был так близок к поэтическим первоисточкам своего творчества. Перед нами высшего достоинства «маркесовская» проза, которая словно выросла из народной молвы, свободно мешающей быть и не быть. В то же время, как и все предыдущие произведения, этот пространственный рассказ, а вернее — короткий роман обладает огромной художественной емкостью и выводит нас далеко за пределы сказанного, в современность, полную тревог и мечтаний о новом, ином мире.

О чем же книга? Прежде всего, это расследование обстоятельств убийства, происшедшего где-то в заштатном городке, в краю банановых плантаций, может, в Макондо из «Ста лет одиночества», а может, где-то рядом. Во всяком случае, здесь живут родственники и потомки героев прославленного романа.

Хронику убийства в ходе романа восстанавливает сам Габриэль Гарсиа Маркес, впервые столь открыто, под своим именем и с приметами своей биографии, вошедший в мир героев, с которыми он связан кровными и дружескими узами. По прошествии многих лет о событиях того злосчастного раннего утра вспоминают сам писатель, опрашиваемые им родственники, старые друзья, жители городишка. Временные планы восстанавливаемого действия и воспоминаний пересекаются, и перед читателем выстраивается зыбкая картина происшествия, в которой... практически ничего достоверного нет. С дистанции времени каждый по-своему вспоминает поведение главных героев, важные детали событий. Неизвестно не только, было ли то утро ясным или накрапывал дождь, но прежде всего — был ли, собственно, убитый Сантьяго Насар виновен в том, в чем его обвиняли: Анхела Викарио, как обнаружил в ночь после свадьбы ее муж, не была невинной, из-за чего он в ту же ночь и вернул девушку в родительский дом. Не-

известно, правду ли сказала Анхела в ту же ночь на семейном суде, указав на Сантьяго Насара. Неизвестны и многие другие детали... Со всей непреложностью известно лишь то, что происходит у нас на глазах, — убийство, которого могло не быть, ибо его никто не хотел, в том числе... и убийцы — братья Анхелы.

Как всегда, в истории, рассказанной Гарсиа Маркесом, за событийным планом есть другой — философский, глубокий слой, который создается поэтической символикой, особой трактовкой образов. В этой элементарной в своей простоте провинциальной любовной драме с убийством все как-то чуть-чуть сдвинуто, хотя и нет никаких особых чудес; здесь все как-то чуть-чуть остраниено, хотя почти и не смещаются реальные пропорции; здесь все чуть-чуть укрупнено, гиперболизировано. И благодаря этому «чуть-чуть» заурядная история приобретает особую контрастность и значимость.

Никто не хотел убийства, но оно совершилось. Убийство и смерть описаны Гарсиа Маркесом словно замедленной съемкой «рапид» и обретают какое-то космическое звучание, будто происходит крушение мира.

Невольно вспоминается знаменитая поэма-драма Гарсиа Лорки «Кровавая свадь-

ба», где тоже происходит убийство после свадьбы. Но между двумя художественными мирами — огромная дистанция. В драме Гарсиа Лорки смерть величественна и трагична, она оправдана разрушительной и извечной народной моралью. Совершенно иная система нравственных координат у Гарсиа Маркеса. Здесь не оправдаешь свершившегося вековой моралью, древние устои себя изжили. В том, что произошло, как обмолвился один персонаж, «виноваты все». Да, все, начиная с убитого Сантьяго Насара с его повадкой ястреба и кончая каждым и всеми — всем народом, который и не хотел убийства, и бежал на площадь, чтобы увидеть кровавое зрелище. То, что предстает судьбой, оказывается не мистикой, а цепью событий, подчиненных логике морали, основанной на эгоизме и отчуждении.

Все виноваты в том, что происходит в нашей деревне, округе, в нашем мире, — эта мысль выводит частную провинциальную историю на уровень тревожных вопросов всеобщего бытия. «Дайте мне предрассудок, и я переверну мир», — говорит один из персонажей «Истории убийства...», и этот афоризм не дает покоя, когда заканчиваешь читать новую книгу Гарсиа Маркеса, писателя, политика которого — гуманизм.

И еще одна типичная для Гарсиа Маркеса тема: об опасном свойстве памяти прихорашивать прошлое во имя самооправдания, забывать уроки, которых нельзя забыть...

Валерий ЗЕМСКОВ

Габриэль Гарсиа

«ИСТОРИЯ ОДНОЙ СМЕРТИ»

САМА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ФАНТАСТИЧНА

ОДНА из самых серьезных проблем, которую ставит перед литературой наша не укладывающаяся ни в какие рамки действительность, — нехватка слов. Когда мы пишем слово «tempestad» — «гроза», европеец представляет себе гром и молнию, но вряд ли он в силах вообразить, какое именно явление природы мы имеем в виду. То же и со словом «lluvia» — «дождь». «В Андах, — как писал для французов француз Жавье Маринье, — бывают грозы, длящиеся по пять месяцев. Кто не видел этой стихии, не может даже вообразить ураганной силы здешних гроз. На протяжении долгих часов молнии бьют в землю одна за другой, образуя какой-то чудовищный кроваво-красный каскад, воздух дрожит от непрекращающегося грома, раскаты которого многократно усиливаются эхом, разносящимся по высоким горам». Описание это не принадлежит к числу литературных шедевров, но даже оно может заставить европейца содрогнуться от ужаса.

В общем, следовало бы, пожалуй, создать целую систему новых слов, соответствующих по своей выразительности нашей латиноамериканской действительности. Примеров, подтверждающих эту необходимость, множество.

Вся эта невероятная действительность наиболее ярко

проявляется в странах Карибского бассейна, граничащих на севере с Соединенными Штатами, а на юге — с Бразилией. Дело тут не в бредовых экспансионистских претензиях. Нет. Просто карибские страны — это не чисто географическое понятие, а зона, очень однородная в культурном отношении. Здесь с элементами местных первобытных верований и поклонения магическим силам, восходящими ко временам, когда Америка еще не была открыта европейцами, сливаются элементы множества разнообразных культур, в результате образуется некий магический синкретизм, творческая сила и творческая плодовитость которого поистине неистощимы. Здесь, на этом мировом перекрестке, закалилось чувство безграничной свободы, укоренилась реальная действительность, не ведающая ни богов, ни законов; здесь каждый чувствовал, что он может делать все, что угодно, без каких бы то ни было ограничений. Человек мог вечером лечь спать бандиком, а утром проснуться королем, беглые каторжники превращались в адмиралов, а проститутки — в губернаторш. И наоборот.

Я родился и вырос у Ка-

рибского моря, я знаю эту землю — каждый ее уголок, каждый остров, и, наверно, отсюда горечь, которую приносит мысль, что не было в моей жизни ничего более удивительного, чем здешняя действительность. Самое большее, что мне удалось, — это показать ее с помощью поэтических средств, но нет в моих книгах ни единой строчки, в основе которой не лежал бы подлинный факт.

Самым трудным в моей писательской жизни был подготовительный этап к работе над «Осенью патриарха». На протяжении почти десятилетия я читал все, что только было возможно достать, о диктаторах Латинской Америки, в особенности о диктаторах стран Карибского бассейна, чтобы дать в книге как можно менее реальную ситуацию. И тут на каждом шагу меня ждало разочарование. Я узнал, что диктатор Гаити доктор Дювалье велел истребить в своей стране всех черных собак, потому что один из его противников, пытаясь бежать от гнева тирана, якобы расстался со своим человеческим обликом и оборотился черной собакой.

Доктор Франсиа запер все двери Парагвая, словно это не страна, а обычный дом, и

оставил открытым только окошко для корреспонденции. Антонио Лопес де Санта-Ана устроил пышные похороны... своей ногой.

Диктатор Никарагуа Анастасио Сомоса устроил у себя во дворе зоопарк с двойными клетками: в передней части каждой клетки он держал диких зверей, а в задней, отделенной лишь железной решеткой, — своих политических противников.

Диктатор Сальвадора Мартинес велел обернуть красной бумагой все лампочки в стране, чтобы положить, таким образом, конец эпидемии кори. Он же избрал специальный маятник и подносил его к тарелке с едой, чтобы установить, не отравлена ли она. Статуя национального героя Морасана, до сих пор стоящая в Тегусигальпе, в действительности — статуя маршала Нея; специальная комиссия, направленная в Лондон с целью заказать статую национального героя, решила, что будет во всех отношениях удобнее приобрести статую Нея, пылившуюся на каком-то складе.

В общем, мы, писатели Латинской Америки и стран Карибского моря, должны, положить руку на сердце, признать, что реальная действительность — писательница по-настоящему талантливее нас.

Наш удел и, возможно, наша почетная задача — в том, чтобы копировать ее, проявляя как можно больше скромности и старания.

Перевела Э. ДВИН

Из статьи Габриэля Гарсиа Маркеса, опубликованной в итальянской газете «Коррьере делья сера».